

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРОТЕКЦИОНИЗМА И ФРИТРЕДЕРСТВА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Е.М. Воробьев

доктор экономических наук, профессор
Харьковский национальный университет
имени В.Н.Каразина

В.М. Куклин

доктор физико-математических наук, профессор
Харьковский национальный университет
имени В.Н.Каразина
emvorobyov@gmail.com

К.Н. Рябченко

аспирант
Харьковский национальный университет
имени В.Н.Каразина
Kristinaryabchenko@gmail.com

В статье обсуждается теория и практика использования важнейших категорий государственного регулирования внешней торговли – протекционизм и фритредерство, анализируются условия, при которых тот или иной подходы во внешнеэкономической политике становятся эффективными для развития национальных экономик. Рассмотрен исторический аспект актуальности протекционизма и фритредерства для разных стран, их соотношение под влиянием технического прогресса. Подчеркивается актуальность протекционизма на современном этапе развития мировой экономики. Такая актуальность протекционизма вызвана новыми явлениями в геополитике и геоэкономике, произошедшими на рубеже веков. Авторы солидаризуются с точкой зрения, которая высказывалась и в прошлом (Фридрих Лист) и сегодня, что фритредерство – эффективная политика для развитых стран. Для тех, кто не имеет высоко развитого промышленного сектора, элементы протекционизма по защите отечественной экономики остаются исключительно актуальными. Политика, которая навязывается слаборазвитым странам по лекалу «Вашингтонского консенсуса» обрекает последних на перманентное отставание. Идеи протекционизма сохраняют повышенную актуальность для постсоветских стран, в которых за годы самостоятельно существования в течение четверти столетия произошла деиндустриализация, резко снизилась доля обрабатывающего сектора в структуре народного хозяйства, упали темпы экономического роста.

Ключевые слова: международная торговля, протекционизм, фритредерство, геополитика, геоэкономика.

ДО ПИТАННЯ ПРО СПІВВІДНОШЕННЯ ПРОТЕКЦІОНІЗМУ ТА ФРИТРЕЙДЕРСТВА НА РУБЕЖІ СТОЛІТЬ

У статті розглядається теорія і практика важливіших категорій регулювання зовнішньої торгівлі – протекціонізм і фритредерство, аналізуються умови, за яких той чи інший підхід у зовнішньоторговій політиці є найбільш ефективним для розвитку національних економік. Розглянуто історичний аспект актуальності протекціонізму та фритредерства для різних країн, їх співвідношення під впливом технічного прогресу. Підкреслюється актуальність протекціонізму на сучасному етапі розвитку світової економіки. Це актуальність, обумовлена новими явищами у геополітиці та геоekonomіці, які відбулися на рубежі століть. Автори солідаризуються з точкою зору, яка домінувала і у минулому і сьогодні, що фритредерство – ефективна політика для розвинутих країн. Для тих, що не мають високо розвинутого виробництва, протекціонізм по захисту вітчизняної економіки, залишається вельми актуальним. Політика, яка нав'язується слаборозвиненим країнам згідно рекомендаціям «Вашингтонського консенсусу» прирікає останніх на постійне відставання. Ідеї протекціонізму залишаються актуальними для пострадянських країн, у яких за роки самостійного розвитку відбулася деіндустриалізація, знизилась доля обробного сектору у структурі народного господарства, спали темпи економічного росту.

Ключові слова: міжнародна торгівля, протекціонізм, фритредерство, геополітика, геоekonomіка.

PROTECTIONISM AND FREE TRADE CORRELATION AT THE TURN OF THE CENTURIES

The article studies the theory and practice of using the most important categories of state regulation of foreign trade – protectionism and free trade. That rational regulation in foreign trade policy can lead to the development of nation economies. The study considers historical aspects of the relevance of protectionism and free trade for different countries and their correlation under the influence of technological progress; underlines the urgency of the protectionism at the present stage of development of the world economy. Such a topicality of protectionism is caused by new phenomena in geopolitics and geo-economics that occurred at the turn of the century. The authors agree with the point of view that has been voiced in the past (by Friedrich Liszt), that free trade is an effective policy for developed countries. For those who do not have a highly developed industrial sector, elements of protectionism to protect the domestic economy remain extremely relevant. The policy that is imposed on the underdeveloped countries by the "Washington Consensus" pattern condemns the latter to a permanent lag. The ideas of protectionism remain topical for post-Soviet countries, where deindustrialization occurred during the quarter of a century, the share of the manufacturing sector in the structure of the national economy dropped sharply, and economic growth rates fell.

Keywords: international trade, protectionism, free trade, geopolitics, geoeconomics.

Соотношение этих противоположных, но тесно взаимосвязанных категорий международной торговли — проблема столь же стара, как и сама торговля. Она возникла с того времени, когда в мире стали формироваться политико-государственные структуры и торговля вышла за пределы национальных границ.

О протекционизме и фритредерстве, их соотношении в государственной политике написаны тома — от работ классиков политической экономии и их предшественников до популярных учебных пособий. Но актуальность этих категорий не спадает уже несколько столетий. Более того, сегодня, в начале XXI века теория и практика соотношения протекционизма и фритредерства приобретает повышенную актуальность.

К рассмотрению данной проблемы нас подвигли два обстоятельства. Первое вызвано теми глубокими изменениями, которые происходят в мире на рубеже XX и XXI столетий. Речь идет о коренных сдвигах на глобальном геополитическом и геоэкономическом пространстве. Они проявляются прежде всего в изменении соотношения сил между ведущими глобальными игроками — США, Европейским Союзом и Китаем, а также другими странами, не такими мощными в экономическом плане как названные, но имеющие значительный потенциал в других факторах стратегической мощи — инновационной, ресурсной, территориальной, демографической, оборонной.

В системе международных, экономических и политических отношений не прекращается турбулентность. Теряют устойчивость одни межнациональные экономические союзы, создаются новые. Совершенствуются инструменты установления глобального доминирования в мире ведущими экономическими державами. От «мягкой» до «жесткой» военной силы, от форм финансово-кредитной экспансии до организации «цветных революций», от традиционных методов торговой до жесткой, порой циничной блокадной и санкционной политики. Примером последней может служить политика США в отношении Ирана и Кубы.

Другим мотивом, побудившим к написанию статьи стало знакомство с работой известного европейского ученого-экономиста Эрика Райнерта «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными» [5], а также с некоторыми его интервью, касающиеся состояния сегодняшней экономики Украины, ее перспектив и путей выхода из экономического упадка.

И первое, и второе обстоятельства с точки зрения предмета, который рассматривается в представленном материале, взаимосвязаны в большей степени, чем это может показаться изначально. Ниже постараемся эту взаимосвязь раскрыть. Далее — краткий курс в историю происхождения категорий протекционизма и фритредерства. Их роли в экономическом развитии стран, использовавших эти действенные общественные инструменты для упрочения своего материального и политического

могущества. И наоборот, о правительствах, которые пренебрегали этими инструментами, теряя не только экономический, но и политический суверенитет. И в далеком прошлом, и в XXI столетии.

Теория протекционизма в европейской экономической мысли рождается на рубеже 16-17 вв. в период первоначального накопления капитала. На смену простой капиталистической кооперации приходит мануфактура. Разделение труда в мануфактуре вызвало взрывной рост производительности в таких европейских странах, как Англия, Голландия, частично Франция, и ряде других стран. Это значительно увеличило возможности в экспорте товаров в другие страны и колонии.

Сам термин (от лат. *protektio* — покровительство, защита) означает систему мер государственной политики, направленную на защиту внутренней экономики от иностранной конкуренции, преференции отечественному капиталу в его участии в международной торговле.

Протекционизм как надстроечная категория базировался на взглядах научной школы, получившей название меркантилизм. В 2015 году мировая научная общественность отметила четырехсотлетие со дня опубликования работы французского экономиста Антуана Монкретьена «Трактат политической экономии». Подарив миру сам термин «политическая экономия» науки, отвечающей на многие вопросы экономической жизни человеческого общества и в прошлом, и в настоящем, ученый сформулировал ряд теоретических и практических положений, направленных на поддержку хозяйственной и торговой деятельности государства. История экономической мысли считает автора «Трактата ...» наряду с другими учеными Англии и Италии, одним из видных представителей школы меркантилизма.

Взгляды представителей этой школы эволюционировали по мере развития торговли и производства. Если первые представители отдавали приоритет обмену, торговле, то их последователи видели значение производства. Что предлагали поздние меркантилисты для поддержки и защиты своих отечественных предпринимателей — купечества и товаропроизводителей, упрочения богатства страны? В основном те же инструменты, которые используются и сегодня, в XXI веке — таможенные пошлины и квоты на ввоз и вывоз товаров, субсидии и гибкая налоговая политика, различные преференции своему купечеству и ограничения иностранному. Применялись и оправданные временем «драконовские» меры — ограничение, чаще полный запрет на вывоз сырья, материалов, искусных мастеров за пределы страны. Нарушители карались сурово, вплоть до смертной казни или высылки в колонии.

На ранних этапах развития межгосударственной торговли между странами-конкурентами велись разорительные торговые войны. Враждебные отношения складывались между наиболее развитыми в промышленном и торговом отношениях странами —

Голландией (вначале Антверпен, затем Амстердам), Англией, Францией, Португалией, Испанией. С 30-х годов XVI до середины XVII века центром европейского мира оставалась Голландия. Эта страна в своей торговой полемике опиралась на военную мощь. Ее торговый и военный флот втрое превосходил флота всех остальных европейских стран. Он насчитывал около 15 тысяч кораблей, в том числе более тысячи военных [1]. Все это позволяло Голландии доминировать в Европе более столетия. Но постепенно соотношение сил между ведущими европейскими странами стало меняться не в пользу Амстердама. Военная мощь, как главный фактор торговой политики, утратила свое значение. Определяющим стал другой фактор — уровень развития производительных сил, который формирует новую систему экономических, в том числе торговых отношений. Зарождается, а затем получает все большее распространение новая торговая политика — фритредерство.

Фритредерство (от англ. freetrade — свободная торговля) определяют как политику, в основе которой лежит свобода торговли и частнопредпринимательская деятельность. Общетеоретической основой смены господствующей долгое время парадигмы, стали взгляды классической школы с его ведущим принципом «laissezfaire». «Невидимая рука» А. Смита, обеспечивает естественное, эффективное, бескризисное функционирование рыночной системы. Как и во все времена человеческой истории, главной причиной смены воззрений на природу функционирования рынка стал технический прогресс, в котором к середине XVIII века преуспела Англия. Изобретение челнока-самолета (Дж. Кей — 1733 год) увеличило производительность труда ткача в 2-2,5 раза. Это знаменует рождение нового технико-технологического уклада — «век текстиля». Следующий технический переворот, коренным образом изменивший мир — изобретение паровой машины (Дж. Уатт — 1769 год), что знаменовало переход к новому укладу, получившему название — «век пара». Уже в начале XIX века начинают строиться первые пароходы, а затем и паровозы. (Д. Стефенсон, 1814 год) [1]. Так состоялась первая промышленная революция. Не последнюю роль в доминировании Англии сыграл рост внутренних накоплений за счет колониальной экспансии. Промышленный переворот обеспечил английским предпринимателям многократный рост производительности труда, столько же — значительное снижение издержек. Страна перестала нуждаться в протекционистской политике, ибо она стала доминировать на внешних рынках.

«Возвышение Лондона перевернуло страницу в экономической истории Европы и всего мира». Ему «...удалось не только вытеснить Амстердам и повторить его успех, но и превзойти его» [2].

Объективно рождается идея свободной торговли — фритредерство. Свобода выбора, свобода предпринимательства, свобода торговли — высшие цен-

ности человеческого бытия. Как абстрактные общественные категории — они бесспорны. Однако, не следует пренебрегать предостережениями древних мыслителей, сформулированных ими в вопросах *Cuibono?*, *Cuiprodest?* В чьих интересах, кому выгодно? Эти вопросы были правомерны и в Древних Риме и Греции, и в XIX веке. Остались они таковыми и в эпоху глобализации — в XXI столетии.

Более того, сегодня важность ответов на эти вопросы затрагивают сотни стран мира, миллиарды людей. Поэтому и в прежние времена, и сегодня, достоинства идеи экономического либерализма, в том числе свободной торговли подвергались сомнению. Ее критиковали представители социалистов-утопистов, марксизма, исторической школы. Предтеча исторической школы Фридрих Лист в главной своей работе «Национальная система политической экономики», изданной в 1841 году утверждал, что идеи фритредерства выгодны лишь тем странам, которые имеют экономические преимущества перед конкурентами во внешней торговле. Эти преимущества обуславливают более высокий уровень развития производительных сил. Он воплощен в новых технологиях, высокой технической оснащенности предпринимательской деятельности, более совершенной организации труда и производства. Поэтому Ф. Лист обосновывал необходимость для отстающих в экономическом развитии стран проводить такую экономическую политику со стороны государства, которая во-первых защищала бы экономический суверенитет страны, ограничивая экспансию конкурентов; во-вторых дала бы возможность национальным производителям развивать новые отрасли и технологии, накопить производственный опыт. И лишь тогда, достигнув уровня развитых стран, национальная экономика может на равных участвовать в конкуренции на международном рынке. В противном случае фритредерство обретет слабую экономику на перманентное отставание, страна превращается в отраслевой придаток. Защиту национальной экономики от внешнеторговой экспансии Ф. Лист назвал «воспитательным протекционизмом» [8]. Актуальность идей Ф. Листа подтверждается горьким опытом постсоветских стран, пытающихся уже четверть века создать эффективное национальное хозяйство на идеях фритредерства.

Что касается стран третьего мира, то многие из них в хозяйственном отношении живут в начале 19 века. В ожидании второй промышленной революции (век электричества) прозябают 1,3 млрд. человек. В ожидании третьей (век электроники и компьютерных технологий) — 4 млрд. человек или 53% населения земли [3].

Идеи фритредерства эволюционировали по мере экономического развития ведущих в XVIII веке стран и, прежде всего, Британии. Так А. Смит, разрабатывал теорию абсолютного преимущества. Его в международной торговле получает страна, которая производит товары и услуги с минимальными по

сравнению со странами-конкурентами издержками производства. Чем выше техническая оснащенность, глубже разделение труда у товаропроизводителя, тем выше производительность и ниже издержки. При данном уровне цен — преимущество перед конкурентом абсолютно. Но можно манипулировать и ценой, что увеличивает преимущество еще больше.

Давид Рикардо, активный сторонник идей свободной торговли, выдвинул и обосновал теорию относительного преимущества, базирующейся на идее об издержках упущенных возможностей, упущенной выгоды при производстве и реализации товаров и услуг на международной арене.

Интересную иллюстрацию этой теории приводит Н. Грегори Менкью на примере двух стран — Японии и США. В кратком изложении — та и другая страна производят по 1 автомобилю. Но в США, имея большую площадь для производства сельскохозяйственных культур, один фермер производит 2 т. продуктов питания в месяц, а японский фермер 1 тонну. Издержки упущенной возможности при производстве автомобиля в США — 2 тонны, в Японии 1 тонна. Следовательно, Япония обладает сравнительным преимуществом в производстве автомобилей (1 автомобиль — 1 тонна продовольствия), а США, где на 1 тонну продуктов приходится 0,5 авто, — в производстве продуктов питания. Выгода обоюдная: Япония экспортирует в США автомобили, США а Японию — продукты питания.

Конечно, замечает автор, реальные отношения между этими странами намного сложнее [3]. Но если приведенную иллюстрацию рассмотреть не как абстракцию, а в качестве доказательства правомерности теории, то США должны сосредоточиться на развитии сельского хозяйства, Япония — на развитии промышленности. В результате США — великая аграрная держава, Япония развитая промышленная страна. Ложный вывод заставляет усомниться в теории как безупречной истине.

Надо заметить, что теория относительного преимущества (как и любая другая) применима для конкретного исторического отрезка развития международной торговли, основанной на международном разделении труда, для конкретных стран-участников торговли. Поэтому неудивительно, что любая теория не может рассматриваться как догма, и требует критического восприятия. Эрик Райнерт в упомянутом нами труде цитирует высказывание о теории относительного преимущества Д. Рикардо известного американского ученого, профессора Гарвардского университета Й. Шумпетера «Это превосходная теория, которую никогда нельзя будет опровергнуть, - в ней есть все, кроме смысла» [5]. Э. Райнерт главной своей задачей при написании книги считает показать, почему стандартная теория международной торговли в том виде, в каком она сегодня применяется, неуместна и даже вредна, когда в торговые отношения вступают страны, находящиеся на разных уровнях развития [Там же].

Э. Райнерт данной констатацией не только солидаризуется с мнением Ф. Листа о воспитательном протекционизме, но и подчеркивает, что сегодня, в XXI столетии протекционистская политика для многих стран и не только третьего мира остается исключительно актуальной.

Остановимся на некоторых положениях книги Э. Райнерта. Уже во введении автор по сути дезавуирует тезис либеральной экономической теории о «торговле во благокаждого», ибо некоторых обстоятельствах она делает людей беднее, но западные страны продолжают навязывать бедным странам идеи фритредерства. В качестве поощрения за принятие этих идей Запад оказывает бедным странам кредитную помощь, которая еще больше привязывает экономических аутсайдеров в качестве сырьевых придатков к богатым странам. Но «... догма свободной торговли продолжает царить в мире» [там же].

Свидетельством правоты утверждения Э. Райнерта может служить пресловутый проект «Вашингтонский консенсус». В его основе тот принцип кредитной экспансии, хотя и в менее жесткой форме, который описал Дж. Перкинс в своей книге «Исповедь экономического убийцы» [4]. Теоретическим обоснованием политики этого проекта стала теория монетаризма — Чикагская школа во главе с Нобелевским лауреатом М. Фридманом.

Приоритеты этой теории: 1. принцип минимального участия государства в регулировании экономики («меньше государства»); 2. приоритет денежно-кредитной политики; 3. стимулирование предложения. Эти принципы лежат и в основе проекта «Вашингтонский консенсус», который разрабатывали американские эксперты МВФ. И в общетеоретическом плане как абстрактная модель проект содержит рациональные рекомендации. Назовем некоторые из них: поддержание минимального дефицита государственного бюджета, снижение налоговых ставок с прибыли корпораций, *либерализм внешней торговли*, (выделено нами), приватизация и дерегулирование, свободный обменный курс валют, совершенствование институтов, т.е. правил игры в экономике, закрепленных юридическими законами, защита прав собственности.

Для развитой экономики весьма здравые рекомендации, но, как говорят «дьявол кроется в деталях». Для слабой экономики, с несформировавшейся рыночной инфраструктурой, правовым нигилизмом и развитой коррупцией, рекомендации МВФ не могли дать положительного результата. Опыт передовых стран не может быть автоматически перенесен в экономику аутсайдеров, что подтверждает парадокс Ф. Бэкона о том, что именно сходство обезьяны с человеком делает ее отвратительной. Особенно губительными рекомендации либерального направления стали и продолжают оставаться для большинства постсоветских стран, и вот уже четверть века пытающихся создать эффективное рыночное хозяйство по лекалам неолиберальной теории.

Среди этих стран находится и Украина, где в результате криминальной приватизации утвердился компрадорско-олигархический режим, произошла деиндустриализация основных отраслей народного хозяйства, понизилось материальное благосостояние большей части населения, снизился научный, образовательный и культурный уровень в стране.

В экономической литературе, социальных сетях количество публикаций, раскрывающих несостоятельность рекомендации «Вашингтонского консенсуса» зашкаливает. Бывший президент и исполнительный директор МВФ Доминик Стросс-Кап на ежегодном заседании МВФ и Всемирного банка в апреле 2011 года назвал принципы, заложенные в «Вашингтонском консенсусе» нежизнеспособными, что этот проект потерпел крах [9]. Но главные идеи этого проекта продолжают жить. Практика условий кредитования развивающихся экономик МВФ и Мировым банком, рекомендации, а нередко и жесткие требования по наиболее острым моментам экономической политики кредитующих стран, бесцеремонное вмешательство в кадровую политику — все это и многое другое позволяет утверждать, что основные принципы скомпрометировавшего себя международного проекта продолжают практиковаться международными финансовыми организациями. Диктуются показатели дефицита бюджета в стране-заемщике и принципы формирования валютного курса, размера оплаты ЖКХ и цены на газ и электричество для населения, повышение пенсионного возраста и сокращение числа госслужащих, открытие рынка земли и дальнейшая приватизация.

Это далеко не полный перечень требований МВФ к правительствам стран-заемщиков, выполнение которых, по обещанию чиновников МВФ, открывает возможность очередного кредитного транша. С точки зрения кредитора, оговоренными процентами, требования логичны и разумны. Заемщик все глубже погружается в долговую трясику.

Идеи фритредерства тесно связаны с политикой международных финансовых организаций, крупнейших банковских корпораций с трансграничным движением капитала. Политика контроля и регулирования экспортно-импортных операций в течение одного-двух десятилетий эволюционировала от протекционистских методов до ультралиберальных. Как известно, для развивающихся экономик иностранные инвестиции — одно из важнейших условий экономического роста, возможности модернизации национального хозяйства на инновационной основе. Причем, повышенный интерес для таких стран имеют не портфельные, а прямые инвестиции, которые по замыслу страны-реципиента должны идти в реальный сектор экономики. Прежде всего, в те отрасли, продукция которых отличается высокой добавленной стоимостью. А это обрабатывающая промышленность, ее сердцевина — машино- и приборостроение. У зарубежных инвесторов

задача другая — получить максимальную прибыль и в короткий срок. Эту цель обеспечивают инвестиции портфельные, лучше в краткосрочные государственные организации (ГКО, ОВГЗ и т.п.). Ту небольшую часть прямых инвестиций зарубежный бизнес предпочитает направлять не в базовые отрасли, а в те, которые дают быструю отдачу — пищевую, табачную, ликероводочную и тому подобное.

Кто выигрывает от такой инвестиционной политики — вопрос риторический.

Еще одна проблема для страны-реципиента — как предотвратить отток капиталов. Нерегулируемый отток отрицательно сказывается на динамике ВВП, сокращаются рабочие места, падают доходы занятых, сужается внутренний рынок. Поэтому правительства таких стран стараются использовать различные инструменты для ограничения, а иногда и запрета утечки капитала. При условии, что страна сохраняет экономический суверенитет.

Однако, постепенно под влиянием глобальных экономических игроков, МВФ стал оказывать давление на те правительства, которые ограничивали или запрещали отток капиталов из своих стран. Вначале фонд стал допускать отход стран от контроля за трансграничным движением капитала, затем стал поощрять эту практику, далее — откровенно приветствовал. Теперь же методом «мягкой силы» по сути запрещает ограничение оттока капитала. В конце XX века — отмечают эксперты — МВФ под флагом «Вашингтонского консенсуса» и лозунга глобализации, смел остатки контроля над движением капитала. [5].

Следует отметить, что геоэкономическая реальность, а с ней и взгляды на протекционизм и фритредерство меняются, а в отдельные периоды достаточно интенсивно. Начало XXI века ознаменовалось глубочайшими сдвигами в системе международных отношений, которые затронули все сферы человеческой жизни — экономику и политику, культуру и идеологию, оборону и экологию.

Изменения столь масштабны, что дают основания политикам, ученым, экспертам по проблемам глобализации квалифицировать их как конец одной исторической эпохи и вступления мира в новую. Для описания реального состояния складывающихся сегодня международных отношений используются такие термины как поляризация, изоляция, непредсказуемость новых угроз и рисков в условиях турбулентности мирового рынка. Вновь дискутируются проблемы национального прагматизма и глобализма, закрытости и транспарентности международных торговых и иных отношений, новых явлений в использовании политики протекционизма и фритредерства.

Дискуссии вспыхнули с новой силой в связи с двумя событиями мирового масштаба, которые произошли в 2016 году внешне локальные, но по своим последствиям вызвали цунами в мировом геополитическом и геоэкономическом пространстве.

Речь идет о новой администрации США, которая пришла в Белый дом в результате победы республи-

канцев на выборах Президента и выходе Британии из состава Европейского Союза — Brexit. Может возникнуть вопрос — какая связь этих событий с проблемой соотношения протекционизма и фритредерства. Считаем — самая непосредственная. Уже в предвыборной риторике Д. Трампа эксперты усматривали угрозы протекционистского характера, принципиально новую трактовку политики фритредерства. Программным стало положение о защите американского национального суверенитета в торговой политике, возрождение индустриального сектора, возвращения в страну промышленных предприятий американских ТНК. И, как выяснилось в первые недели новой администрации, эти положения не были пустыми обещаниями в предвыборной борьбе. Первым актом нового Президента в экономике стал его указ о выходе США из Транстихоокеанского партнерства, чем поверг в шок не только руководителей тех стран Юго-Восточной Азии, которые это соглашение подписали и готовились его ратифицировать, но и тех представителей американских ТНК, которые продвигали этот проект. Соглашение о ТТП было подписано в феврале 2016 года. В партнерство, кроме США вошли такие крупные страны как Япония, Канада, Австралия, Мексика, Вьетнам — 12 стран с мировым объемом ВВП в 40%.

Какие преимущества и перспективы обещал проект? Внешне он создавал условия, благодаря которым для его участников облегчается доступ к национальным рынкам. Ликвидируются многие тысячи тарифов, облегчаются нетарифные ограничения, вводятся процедуры и стандарты, направленные на открытость торговых связей, упрочения климата свободной торговли. Так же как и в случае с проектом ТТИП (о нем мы скажем ниже) дополнительные возможности обретают ТНК ведущих стран мира. Какие же государства — участники проекта ТТП, получают преимущества при его реализации? Ответ можно найти в теории «воспитательного протекционизма» Фридриха Листа. Об этом же пишет Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц. Он дает исчерпывающую характеристику и рассматривает истинные цели ТТП. Вы услышите много разговоров о важности ТТП для «свободной торговли». В реальности же это соглашение об установлении контроля над торговыми и инвестиционными связями стран-участниц. Это делается от имени самых влиятельных деловых лобби каждой из стран. Не стоит заблуждаться: если посмотреть на наиболее сложные вопросы, по поводу которых еще ведутся переговоры, то становится ясно, что ТТП совсем не о «свободной торговле» [7]. По мнению некоторых экспертов, соглашение углубит экономическое неравенство, вызовет рост безработицы, обострение социальных проблем в некоторых странах и конкуренции между странами на рынках автомобилей, говядины, риса...

Проект имел и геополитический аспект. Высказываются обоснованные мнения, что он направлен на создание условий для сдерживания

Китая. Мировую прессу обошло заявление прежнего президента США Б. Обамы о том, что правила игры должна писать Америка, а не Китай. КНР в противовес ТТП предложила свой проект — «Шелковый путь», включающий наземный и морской варианты. Первый пройдет через весь Китай, Центральную Азию, Ближний Восток, Восточную Европу, Россию, остальную Европу. Морской — через Китай, Индийский океан, Красное море, Суэцкий канал, Афины, Венецию. Оба варианта образуют «Великий шелковый путь», к которому готовы присоединиться десятки стран. Обсуждается идея сопряжения проектов ЕАЭС и Шелкового пути, что обещает синергетический эффект для участников проекта.

Ушел с повестки и другой проект, который готовился не один год крупнейшими державами ЕС и США — трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП). Практически было готово соглашение о свободной торговле между этими субъектами мирового хозяйства, которое имело бы далеко идущие последствия для всей мировой экономики, поскольку США и ЕС производят около 60% мирового ВВП, трети мировой торговли, свыше 40% рынка услуг. Соглашение лоббировалось на самом высоком уровне бюрократической машины обеих сторон. Не сложилось! Становится все более очевидным сдвиг к приоритетам двусторонних торговых соглашений над многосторонними. Какая страна при этом имеет преимущество — вопрос риторический.

Brexit — не менее значимое для судеб мировой торговли событие. Что явилось главной причиной такого поворота событий в Европе? Эксперты видят в нем стремление элиты Великобритании играть самостоятельную геополитическую роль в мире и не зависеть от брюссельской бюрократии. Нельзя исключить и материальный фактор, хотя его влияние на результат референдума было не главным. Знаменательным стал факт, что Brexit активно поддержала и новая администрация США, что повергло в шок руководителей ведущих стран ЕС. В такой позиции усмотрели не просто жест солидарности с традиционным союзником, который всегда поддерживал даже авантюрные акции «Большого брата». И политики и ученые усматривают в этом шаге нечто большее — предпосылки нового геэкономического проекта. Речь идет о возможном объединении в политико-экономический блок стран англосаксонского мира (США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия), способного противостоять не только Китаю но и ЕС. Насколько прогноз имеет шанс реализовываться, насколько он будет эффективным, никто не рискнет предсказать. События последнего времени, связанные с революционными изменениями в геэкономике и политике столь непредсказуемы, что любые прогнозы обречены на неудачу. Что является необходимым, так это искать и находить новые подходы, новые ответы на возникающие спонтанно вызовы XXI века.

Большой резонанс вслед за Brexit (как его последствия) вызвал новый проект ЕС «Европа на разных скоростях». Его огласили (также неожиданно для общественности Европы) руководители крупнейших государств — Германии, Франции, Италии, Испании. Судя по всему, речь идет о многоуровневом ЕС. Пока говорится о двух уровнях. Первый включает 13 стран, второй — остальных 14.

Методологическая основа нового проекта — «единство — это не однообразие». Пока проект в разработке, не определены конкретно его принципы, но то, что он вызовет новые противоречия и обострение старых в ЕС — это однозначно. Оруэлловское правило — некоторые ровнее других, продолжает работать и в реальном мире, что не может не вызвать у стран-аутсайдеров негативную реакцию.

Изменения, происходящие на геоэкономической карте мира не могут не затрагивать интересы Украины, являющейся субъектом международных экономических отношений. В первую очередь на украинскую экономику оказывают влияние процессы, происходящие в Европе и непосредственно в ЕС. С января 2016 года вступило в силу соглашение о свободной торговле, заключенное между ЕС и Украиной. Но, как показывает конкретная практика, на ближайшие годы реализация этого проекта в экономическом плане сулит его участникам мало существенного. Для ЕС емкость внутреннего рынка Украины, на которую он рассчитывал, остается по разным причинам весьма незначительной. Для Украины возможность выхода на рынки ЕС ограничена низкой конкурентностью товаров с одной стороны, с другой — квотным принципом, применяемым странами ЕС в отношении украинского экспорта. Квоты охватывают узкую номенклатуру товаров, при этом, величина их ничтожно мала. Таким на практике получается режим свободной торговли. Кроме того, он не может заработать без перехода украинских производителей на стандарты ЕС, что займет многие годы и потребует значительных инвестиций. Вызывает большие сомнения заинтересованность стран ЕС в импорте из Украины товаров с большой добавленной стоимостью. Скорее на перспективу, Украина будет рассматриваться как «Великая аграрная страна», что уже сегодня приходится слышать от некоторых западных политиков. Поэтому, можно считать реализуемый проект для Запада геополитическим, а скорее он и был задуман таковым изначально.

В этой связи следует вернуться к работе Э. Райнерта и его последним интервью, которые он не единожды давал украинским СМИ в 2016 и 2017 годах. В них четко изложены предостережения элите Украины в ее безудержном стремлении реализовать панъевропейский вектор во внутренней и внешней политике как его видят на Западе.

Э. Райнерт напоминает, что у истоков успешного развития многих стран лежит не свободная торговля, а эмуляция (англ. emulation) — означает соревнование, соперничество, подражание.

Применительно для Украины найти свой путь в соревновании с другими странами, в возрождении промышленного производства, чтобы сравняться, а потом и превзойти тот уровень, который она имела в конце XX столетия.

Чтобы найти лекарство от бедности надо отличать базовые аспекты экономического развития от явлений сопутствующих [5].

Базовые аспекты — это неоиндустриализация, необходимость которой для Украины уже не дискутируется в экспертной среде. В противном случае, Украина не сможет преодолеть отставание, продолжающееся уже четверть века. За это время потеряно треть ВВП, около 10 млн. человек населения, произошла деиндустриализация, упал уровень жизни в стране. Аналитическое подразделение группы Theeconomist прогнозирует Украине в 2050 году среднегодовой темп роста ВВП в 1% и сокращение населения до 32 млн. человек [10].

Э. Райнерт считает, что такой пессимистический сценарий можно предотвратить. Он вновь и вновь приводит аргументы, что повторная индустриализация Украины — главное условие преодоления отставания [8]. Соглашаясь с безвариантностью данного мнения, уточним, что повторная индустриализация не имеет ввиду воспроизведение утраченного. Более точным термином будет неоиндустриализация, которая должна осуществляться на новой инновационной основе. По мнению Э. Райнерта Украина должна всеми силами препятствовать рецептам, которые навязывает ей ЕС «...дескать вы производите сырье, а мы продукты на его основе» [там же]. В торговле с ЕС, считает Э. Райнерт, Украина не выигрывает: «Никакие квоты вас не спасут..., потому что они недостаточно велики для вас», «ЕС держит перед вами морковку, пытаясь вас привлечь». Но даже сама эта морковь не настоящая. Они говорят вам: избавляйтесь от промышленности и занимайтесь исключительно сельским хозяйством. Насколько грубое слово надо употребить, чтобы объяснить, что это морковь не настоящая [там же].

Не секрет, что в нашей стране есть и политики, и ученые, которые отводят преувеличенную роль агропроизводству в структуре народного хозяйства. Можно услышать о том, как с гордостью говорят о том, что Украина накормит Европу, что украинское черноземье в потенциале способны произвести продукции для полумиллиарда человек.

Действительно, потенциал агросферы Украины значителен, не исчерпано плодородие черноземов, перспектива увеличить эффективность сельскохозяйственных земель до европейского уровня просматривается. Но этого мало. Нужны значительные инвестиции в агропромышленный комплекс. Их как будто ждут в стране, после снятия моратория на продажу земель сельскохозяйственного назначения. Инвестиции — это новые кредиты. «Украина почти «на игле». Вы привыкли уже к этому долговому рабству...» [там же].

Важность развития аграрной сферы, проблемы, которые при этом имеются и возникают, требует отдельного разговора. Здесь же, в завершение статьи, следует вновь подчеркнуть, что «дорожная карта» экономических реформ должна содержать конкретный план проведения новой индустриализации, восстановление современного машиностроительного комплекса. Естественно, реиндустриализация должна базироваться на технологиях третьей и четвертой индустриальных революций. А это требует инвестиций в образование и науку, без которых невозможно создать конкурентоспособную продукцию. Именно такие реформы должны стать национальной идеей Украины.

В заключение сделаем одно замечание. Недостаток финансового капитала, отсутствие которого осложняет возможность реиндустриализации, заставляет искать его источники как внутри страны, так и вне ее. Внутри страны у населения находятся значительные наличные средства, однако недоверие к местной банковской системе и опасения потерять их в результате различных санкций и негодных действий пока подавляют желание их инвестировать. Кроме того, явно недостаточная капитализация недвижимости и земли, то есть отсутствие ценных бумаг, которые подтверждают право на их обладание, неразвитость рынков этой собственности и активов снижают до ничтожных уровней богатство нации [10]. Не позволяя использовать эти не включенные в хозяйственный оборот ценности в качестве залога и привлечения финансовых средств для организации в больших масштабах малого и среднего бизнеса. То есть недостаточная капитализация реально существующих ценностей подавляет экономическую активность населения, которое при ином развитии событий могло бы себя само обеспечить. Поэтому нужно всячески ускорять докапитализацию внутреннего богатства нации, создавать необходимую для этого рыночную инфраструктуру и возвращать доверие населения и малого бизнеса к банковской системе (которую, наверное, следует реформировать, в частности снижая излишнюю зависимость ее от иностранного капитала). Все эти действия станут возможными при существенном снижении инфляции и соответственно ставок кредитования, а также большей надежности сохранения накоплений, что

требует подавление коррупции, исключения нецелевого расходования средств, контроля за вывозом капитала и борьбы с вульгарным воровством.

Привлечение финансовых средств за рубежом осуществляется со стороны влиятельных кредиторов множеством требований большей, если не полной свободы движения капиталов, товаров и услуг, что как уже отмечено выше, далеко не всегда полезно для развивающейся экономики. Кроме того, значительная часть этих привлеченных средств, к сожалению, используется нецелевым образом, проедается и частично выводится из страны негодными методами, что усиливает скептицизм. Потому, к привлечению иностранных финансовых средств, да еще обставленных условиями полного отказа от протекционизма, следует относиться с известной осторожностью. Возможно следует искать компромиссное решение, оставляя себе большую свободу действий, ибо взаимодействие с Мировым банком и МВФ, разумеется в ограниченных объемах, необходимо для создания атмосферы доверия внешних инвесторов к условиям проведения бизнеса в развивающейся стране. Исторический пример впечатляющей эффективности плана Маршалла, на фоне эквивалентной по объему, но растроченной и разворованной впустую предшествующей финансовой помощи послевоенной Европе, показывает, что куда более полезным является привлечение стратегических инвесторов, а также масштабные поставки оборудования и материалов для организации современного производства. Но для этого необходимо создать условия для появления внешних (да и внутренних) стратегических инвесторов поначалу в определенных регионах с развитой производственной инфраструктурой. Например, в Одесской области, где можно использовать мощное портовое хозяйство, транспортные узлы, производственную базу и информационную оптоволоконную инфраструктуру, непосредственно подключенную к основным мировым информационным потокам. И подавить (возможно с помощью внешнего и внутреннего политического и экономического давления) аппетиты привыкших к расточительности местных чиновников, добиться нужного правового и делового климата в стране, что только и позволило бы надеяться на успешность всей экономической политики.

Литература:

1. Березин И. Краткая история экономического развития. М., 1999. 288 с.
2. Бродель Фернан. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. 128 с.
3. Грегори Н. Менкью. Принципы экономикс. СПб, 1999. 784 с.
4. Джон Перкинс. Исповедь экономического убийцы. ConfessionsofanEconomicHitMan. М., 2012. 352 с.
5. Райнерт Эрик. Как богатые стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. Высшая Школа Экономики, 2011. 384 с.
6. Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. М., 2016. 230 с.
7. Дж. Стиглиц. Тихоокеанское партнерство – это фарс. URL: <http://www.http://geo-politica.info/sshа>.
8. Райнерт Эрик: «Не делайте то, что вам говорят делать американцы, а делайте то, что американцы делали сами...» URL: <http://www.gaseta.zn.ua./business/erik-raynert-ne-delayte-to-cto-vam-govoryat-delat-amerikancy-a-delayte-to-cto-amerikancy-delali-sami.html>.
9. Международный валютный фонд. URL: <http://www.imf.org/external/ns.aspx?hdCountrypage=&NewQuery=val=N&col=EXTRUS&collection=EXTRUS&lan=rus&iso=&requestfrom=&countryname=&f>.
10. The economist. URL: http://www.economist.com/printedition/covers?print_region=76981.